

Нравственный смысл победы: К 60-летию окончания Великой Отечественной войны

Инговатов В.Ю.

В жизни народов случаются поворотные моменты, когда само его существование в истории увязывается с одним каким-то событием. Такое событие становится не только решающим началом для прояснения смысла исторического бытия народа, но и заставляет по-новому, совершенно нетипично взглянуть на свою судьбу и своё призвание. Все разъединения народной жизни, обиды и конфликты становятся в свете такого события чем-то вторичным и малозначимым. Каждый представитель народа вдруг оказывается перед необходимостью осознания, что его судьба, его жизнь, существование всего его рода становятся неразрывно связаны с общим существованием. Пространство бытийного присутствия «Я» ограничивается пространством жизни «Мы». Сколь бы ни было существенно разъединение на «Я» и «Ты» или на «Я» и «ОНИ», это разъединение возможно лишь на основе признания, что есть и некое высшее единство «Мы». Вне народа и его культуры существование индивидуальное становится в такие кризисные эпохи невозможным. И тогда страдание и поражения народа становятся и страданием и поражением «Я», как и высшие цели народной жизни, его задачи и победы также принадлежат «Я».

Бесспорно, что именно таким поворотным событием для России, для русского народа и народов, живущих в нашей стране, стала Великая Отечественная война – уже само её название, принятое и поддержанное народным самосознанием, отражает глубину исторического вызова, обращенного к самым коренным и глубинным основам духа. Отмечаемое в этом году 60-летие победы в той войне заставляет нас с большой ответственностью подойти к нравственному смыслу победы. Это тем более важно осмыслить, что современная ситуация глобализации жизни планеты выдвигает перед нами как новую угрозу тотальной войны, так и желание подвергнуть ревизии результаты победы над фашизмом.

Всякая война ставит вопрос о личной смерти. Её угроза рождает инстинкт самосохранения, вполне понятный и объяснимый. Здесь с потрясающей силой встаёт вопрос о ценности жизни, причем ценности не абстрактной, а совпадающей с жизнью моего кон-

кретного «Я». За что, за какие цели и идеи, часто малопонятные, а иногда и кажущиеся несущественными, моё «Я» должно принести себя в жертву? Инстинкт жизни всегда подыщет вполне рациональные обоснования для того, чтобы оправдать своё право на существование. В конце концов, моё «Я» не ответственно за начало войны, оно не хотело и не хочет её. В чем же тогда состоит смысл моего «Я», сознательно и добровольно идущего на смерть? Нравственное вопрошание о жизни и смерти здесь диалектически конкретно: достаточно вспомнить цифры статистики наших потерь, положенных на алтарь победы. Например, за данными о том, что из поколения, родившего в начале 20-х годов минувшего столетия, в живых после войны осталось лишь несколько процентов мужчин, скрываются трагедии конкретных людей. И за каждой цифрой статистических подсчетов стоит духовный и нравственный выбор личности. В этом смысле война несла в себе духовное испытание и духовный суд для как каждого единичного «Я», так и для всего народа. Инстинкт самосохранения требовал от личности индивидуального спасения и бегства от войны. Любовь к Родине и дух победителей, напротив, могли укрепнуть и развиться лишь в ходе добровольной отдачи своего «Я» для служения общему делу и, в конечном итоге, спасения и существования всего «Мы». И на фронте, и в тылу массовое сознание в своём подавляющем большинстве сделало свой нравственный выбор: война стала символом общего служения и общего дела, общего труда и общей победы. Здесь надо видеть не только бескорыстие и духовное мужество миллионов «Я», отдавших свои жизни для блага других, но и силу, и нравственное очищение «Мы», способное рождать и созидать личности масштаба победителей фашизма.

Война явилась поистине духовно-творческим процессом в жизни народа. Общий подъем народной жизни, вопреки расчетом идеологов Третьего Рейха, оказался не просто важнейшим условием победы, но и стал явлением поистине замечательным. Уско-личные интересы и сиюминутные дела – всё это померкло перед общим вызовом для нашей культуры и самой жизни. «Всё для фронта, всё для Победы» – лозунг времени,

точно отражающий предельный духовный порыв народа. Наука, литература, музыка, кинематограф, Церковь как и другие сферы духовного бытия оказались захвачены общим потоком жизни. Но эти сферы существовали в теснейшей связи с армией, с участниками кровопролитных боев. Так дух тех, кто громил захватчиков под Москвой и Сталинградом на Курской дуге и в ленинградской блокаде отзывался подъемом в творчестве и труде миллионов людей, оставшихся в тылу. Равно как и армия знала и чувствовала поддержку своего народа, который верил ей и гордился её победами. Ибо и сама армия всегда есть часть народного бытия, его живой и неотъемлемый элемент.

Всякая война, таким образом, имеет духовный и нравственный смысл, который затем воплощается и соединяется со смыслом самой победы. Однако не всякая война имеет оправдание, притом нравственное оправдание. Прежде всего важны те мотивы и цели, которые побуждают народ вести войну. Духовное значение войны для народа невозможно заменить политической целесообразностью, а уж тем более ложью: первые же жертвы всегда будут в самой острой форме ставить вопрос о *их* смысле. Победа народа в Великой Отечественной войне потребовала не только немыслимых дотоле в истории потерь народного тела. Победа показала нравственную силу народа, способного преодолеть самые невероятные испытания. Русский мыслитель и современник победы И.А. Ильин совершенно верно утверждал, что жить стоит лишь тогда, когда есть за что умирать. Отклик

народа на вторжение на его Родину захватчиков был тем духовным ответом и решением вопроса, за что человек может отдать свою жизнь. Мотив *нашей* войны был один – нам противостояли орды врагов, вооруженные и многочисленные, которые ставили своей целью тотальное уничтожение нашего народа. Это уничтожение задумывалось ими не только как физическое истребление части народа, но и как отрицание всей *нашей* культуры, *нашего* образа жизни, *наших* идеалов и ценностей. Нам была уготована участь тех народов от которых осталось одно лишь историческое предание вроде сарматов, гуннов или скифов. Однако история свидетельствует, что только те народы, которые умеют духовно-творчески реагировать на опасность своей гибели способны выстоять и преодолеть любые опасности. Не злоба и одна лишь ненависть является здесь движущим духовным порывом победы, но, прежде всего осознание той исторической и нравственной миссии, выполнить которую выпало на долю народа. Защита нашей самобытности от порабощения и гибели есть тот источник *нашей* правды и *нашей* победы. Ратная победа оказалась возможна только потому что она рождалась и крепла как победа духа, как торжество правого дела на делем злым и несправедливым.

Память о Победе – долг ныне живущих. Через память мы связываем в единое целое цепь времен. Победа не есть наше прошлое – она есть наше настоящее. Её нравственный смысл и её нравственные уроки являются залогом для расцвета нашей великой Родины и её духовного возрождения.